

А. Б. Бушев

РАЗГОВОРНОСТЬ ДВЕСТИ ЛЕТ СПУСТЯ

В. И. Даль как лексиколог и фольклорист наблюдал непосредственную живую стихию народного языка. Прошло много лет. Той социальной среды, где Даль черпал свои наблюдения, нет. Но живая разговорность, новый фольклор существуют в языке. Задачей нашего исследования видим описание специфики среды нового фольклора и новой разговорности и обсуждения научных проблем, связанных с ее изучением и переводом.

Коллоквиальность (разговорность) речи есть, несомненно, одна из наиболее сложных способностей, подлежащих освоению языковой личности. Она особенно актуальна при установке на работу в условиях устной коммуникации, неформального общения. Языковедческая наука с 50-х годов занимается разговорностью. Тогда ниша разговорности была точно определена, разговорность не проникала в те сферы, где она предстает неуместной развязностью. Известно, что разговорная речь – разновидность устной литературной речи, обслуживающая повседневное обиходно-бытовое общение и выполняющая функции общения и воздействия. Как форма существования литературного языка разговорная речь характеризуется основными его признаками (наддиалектностью, устойчивостью, нормативностью, многофункциональностью). Изучалось взаимодействие ее с разговорным типом письменно-литературного языка в художественных произведениях, где речь разговорная «олитературируется» (В. В. Виноградов). Представляет интерес использование стилистически маркированных сниженных стилистических явлений. Считается невозможным изучить разговорную речь по художественным текстам (хотя Лесков, Шукшин, Зощенко, Астафьев, Солженицын, Галич, Довлатов «открывают» бездны разговорности), ученые считают, что необходимы аутентичные записи. Разговорная речь не подвергается кодификации. В учении о специфике разговорной речи – коллоквиалистике – русскую разговорную речь отделяют от кодифицированного литературного языка и рассматривают ее как противопоставленный ему самостоятельный феномен. Неподготовленность, линейность, непосредственный характер речевого акта – параметры, отчетливо выделяющие разговорность (коллоквиальность). Ученые исследуют, как коллоквиальность проявляет себя на лексическо-стилистическом и синтаксическо-стилистическом уровне. Особенности коллоквиального синтаксиса посвящены в науке работы Ю. М. Скребнева (описательная и сокращенная номинация, парцелляция, присоединение, антиципация, добавление темы-уточнителя, прерванные структуры, вопросно-ответные единства, повторы, стяжения, перифразы). Наблюдения над коллоквиальным языком особенно активно проводились на материале русского и английского языков (исследования Н. Ю. Шведовой, Д. Н. Шмелева, Ю. М. Скребнева, О. Б. Сиротининой, О. А. Лаптевой, М. В. Китайгородской, И. В. Арнольд, И. Р. Гальперина). Естественность и спонтанность при переводе (даже письменном – в определенных жанрах) предполагает свободное и активное владение жанрами устной речи, предполагающими коллоквиальность.

Интерес представляет овладение всеми формами коллоквиальности – прежде всего лексической. Смысл текста находится и в учете языкового субъязыка и

риторических экспектаций слушателей. Как разговаривать с представителями финансовых структур, М. Арбатову однажды инструктировал один генерал, о чем она пишет: *«Когда пойдеши разговаривать с крутыми, объясняй им так: „За вами – синие, за нами – спецура. Вы – в семье, мы – в семье. Ну зачем двум семьям ссориться из-за какой-то депутатской корочки?“ Я ни слова не поняла, но стонала от удовольствия».*

Проблематика дискурса в СМИ давно является предметом внимания лингвистов. В связи с заявленной темой, например, традиционно эпатирует «МК-страница». В газете, называющей себя «Московский комсомолец» (тоже хороший пример стилистической функции, силы имени, стереотипа, бега времени), посвящены музыкальной эстрадной культуре «Звуковая дорожка» и «Музыка, образы, стиль Капитолины Деловой». Здесь можно встретить сообщения о том, что «три аппетитные герлы скачут и яростно трясут патлами под жесткий синтетический ритм», про компьютерный треш-фэшн, ненависть к стилю хаус («Я не то чтобы ненавижу хаус этот. Просто мне не нравится смотреть, как люди танцуют, отдыхают под музыку устарелую, заплесневелую» или «Ну да пошел вон тот устарелый гламур, что ходит на вечеринки Роджера Санчеса. Вообще ходить на такие веселухи – все равно что на концерты рок-старперов типа «Роллигн стоунз»). Статьи всегда полны жаргона («Но на ваших же вечеринках куча фриков!» – «Да нет, самые обыкновенные люди угорают под электроклэш»). Про любителей музыки могут быть запросто сказаны фразы типа «Наши певицы не должны быть гламурными, шикарными, холеными телками. Они могут быть толстушками, пышками с коротенькими ножками. В этом весь смысл». О популярности можно (удить по тому, что «крупнейшие рекорд-лейблы тоже гоняются за артистами электроклэша». Всякому становится понятно, что «ведь раньше выступления электронных артистов были совсем неинтересными. Ну выходит Моби, топчется себе на сцене. А персонажи электроклэша делают настоящее шоу, феерический зажигательный перформанс... И это все очень иронично, прикольно, с хорошим вкусом, конечно же».

Эльдариус из «Роботов» просвещает: «Секс-драйв, переходящий в трэш, идет от экзальтации, а она – от присущей такой музыке экспрессии».

Про организатора концерта автора статьи в МК № 239 от 29 октября 2003 (а все примеры взяты оттуда) говорится: «Бурлаков сильно «сдвинулся» на новой музыке электроклэш уж год как: начал изыскивать музыкантов, хоть приближенно делающих что-то подобное, выпускать из их опусов сборники; открыл сайт, посвященный новой культуре, подружился через интернет с Ларри Ти... И запарился идеей фикс: все это срочно показать в Москве». Корреспондент обращается к нему с вопросом: «Леня, ты продал машину, чтобы все это замутить, и какие чувства в результате?» Толковый вопрос вознаграждается толковым ответом: «Чувство, что я клево повеселился на эти деньги». Все участники бесед говорят на этом языке: «Ты, я смотрю, тоже весьма завелся: начал ди-джеить в кофейнях, ремиксы кому-то делать... Не похожи мы тем, что я верю все же, что электроклэш может стать массовой культурой, а Ларри – не очень».

Словом, «для меня вся эта культура – возможность отдыхать простым людям в тех же условиях, что и мажорам. Здесь – кичевый, насмешливый гламур, кичевая атмосфера. Один из посылов электроклэша – долой «шамбалы» и «цепеллины», да здравствуют клубы, куда пойдут студенты, рабочие и колхозники».

Другую сторону проблемы представляет значительное количество сниженной лексики – новое просторечие, до вульгарного и обценного. Вновь позаимствуем примеры из беллетристики С. Минаева:

погоняло, тусовка, расфуфыренные мудаки, их будет переть, они их будут жрать, мне

о****о интересно, чел, кидалово, завязки, бесперспективняк, в целом весь этот кадреж мне кажется каким-то фальшивым и лажовым, я сижу чуть менее бухой, иметь с ней секс мне совсем в падлу, догоняюсь «советским шампанским», цепляет папика, не по кайфу, покрасть попутно у глупых френчей деньги, а там посмотреть, разводят, висят, мне на мыло.

Посмотрим на язык диалогов и несобственно-прямой речи в романе С. Минаева:

Вау, клево, класс, супер, бред какой-то, не грузись. Старперские темы, ксива, менты. Идея с заменой паспорта не капает. Не прикололо. Мандежник, мутные перцы, затусить. Мне нужно с этими упырями встречаться. Тут голяк. Пустые понты, лошня. Колхозница, не зарубайся. Последнее с пацанами делил, никого ни разу не слил. Не запалил. Так наш Антоха жил – на ходу импровизируя я. Тусовщики, понторезы. Мажоры. У меня на эту пургу нет времени. Гоню, понтуюсь, прогоняю левые телеги. Сколько раз говорю: давайте перестанем бухать, торчать и отжигать до утра, если на следующий день репетиция. Попустись, брателло. Засылает косарь в месяц. Вы все еще трете за любовь? Без мазы. Беспонтово, жесьть. Стебануться. Головняки, стремные политические акции, попадосы с мелким бизнесом, лажовые правша. Ну что, падла, сразу тебя кончить, или ты сначала нам опишешь свою с***ную хату в Бескудникове?

Актуален совет избегать нагромождения ненужных иностранных слов, варваризмов, калькирования иноязычных слов, словосочетаний и оборотов речи, сниженной лексики (в быту, в журналистике – *общак, разборка, глючить, отмазать, прикол, покатиш, в кайф, заморочки*). Вульгаризация речи – широкое проникновение русского арго во все слои общества во всякие дискурсы – таящее опасность современное явление [2]. Лексика деклассированных элементов – преступников различных категорий, нищих, бродяг, проституток - складывавшаяся на протяжении длительного времени, впервые перешла в литературный язык: *барахольщик, забивать бабки, шопник, начальник, защитничек, болван, гад, злыдень, зуботычка, канать, шухер, атас, бакланить, бардак, беспредел, блат, бодяга, бочку катить, буза, вешиать лапшу, стучать, жлоб, за бугор, засытаться, жить на игле, играть на руку, клево, кодла, шарашикина контора, концы в воду, отбросить коньки, крыть нечем, ксива, до лампочки, лапша на ушах, липа, олух, лох, клевый маз, держать мазу, наводит марафет, мент, мусор, на ходу подметки рвет, ништяк, братва, ноги делать, очки втереть, под колпаком, права качать, брать на пушку, расколоться, бить сачка, свой в доску, стоять на стреме, сука, дешевка, тусоваться, тухфта, тырить, финт ушами, чмо, шалашовка, шалман, шмон, шпана, гнать. Приглядимся к этим словам. Многие из них часто встречались нами в прессе, прекрасно входили в броские заголовки газет (особенно желтых, таблоидов, тяготеющих к сенсациям), представляются естественными в речи «поп-звезд», других часто мелькающих на телеэкране публичных персонажей. Многие слова стали заголовками фильмов последних лет. Они деэтимологизировались, воспринимаются как естественные в речи современных носителей языка, не оскорбляют речевое достоинство говорящего и слушающего. Арго же выполняет роль сигнализдаи «Я – свой», «Я – продвинутый», «Что мне до мешанских предрассудков».*

Все это требует серьезной языковой политики, целью которой, согласно мнению Г. О. Винокура, является сам язык.

Демократизация языка. Так, высокий, торжественный стиль всегда немного архаичен. В нем оказываются уместны такие слова, как *воин, ратный труд, отныне, ибо* и т. д. С чувством большого сожаления А. А. Волков констатирует тот факт, что «как выражение возвышенного высокий регистр и вообще церковно-славянская речевая стихия, очевидно, с трудом доступны современному языковому сознанию, которое

формируется средствами массовой информации» [1, с. 291].

Налицо инкрустация русской речи варваризмами:

Принцип эвакуогоспиталя, введенный Пироговым, – в США он действует emergency room (Е. Малышева, популярная телеведущая).

При возможном переводе снимается смысл, который несет инкрустация фразы неассимилированным заимствованием: And there is one more principle that of evacuation hospital – and it is currently in action in emergency room in the USA.

Приведем пример из журнала о гостиницах: *У нас есть и up-to-date размещение*. При переводе теряется сигнал, подаваемый при помощи варваризма, – продвинутость. Смысл «информация из первых рук, не понаслышке, общность прошедших стажировку», апелляция к слоям, читающим по-английски.

В сфере мобильной телефонии свои ксенонимы: *wap – GPRS, WiFi, Bluetooth, Web-камера...*

Частым становится употребление слов из профессионального просторечия компьютерщиков, силовиков, молодежный сленг, арго, уже обсужденные нами выше.

Характерна специфическая манера речи – американизированные интонации типа rising tune, характер обращения СМИ и других отправителей публичной речи со своей аудиторией (*типы, хай, хавать будем*) – неуважительный, порой агрессивный, вызывающий негативную ответную реакцию «адресата», к которому речь обращена.

Во многих научных лингвистических исследованиях выстраивается (на основании анализа значительного числа нередко взаимопротиворечащих трудов) четкая, непротиворечивая система взаимоотношений лексики литературного языка, разговорной речи, субстандарта, где жаргоны, по меткому замечанию В. М. Жирмунского, паразитируют на литературном языке. Высказывается и об особенностях такого «паразитизма» арго в речи (криптолалия, экспрессивность и т. д.). Процесс лексической метафоризации в движении от низших слоев лексической иерархии общенационального языка (арго, кент, жаргон и т. д.) к литературному стандарту и наоборот объясняют вследствие эмотивности, лаконичности и яркой экспрессивности арготизмов. Отмечена авторами и криптолалическая функция арготизма в связи с метафорической функцией арго. Выстраиваются любопытные схемы, показывающие взаимообмен компонентов языка, – тем более, что сегодня «бытование арготизмов в литературном языке» (и их засилье) обсуждается с парламентской трибуны и представляется серьезной социолингвистической проблемой.

Просторечие вместе с народными говорами и жаргонами составляет устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации – общепонятный народно-разговорный наддиалектный язык. Литературное просторечие – служащее границей литературного языка с народно-разговорным языком – особый стилистический пласт слов, фразеологизмов, форм, оборотов речи, объединяемых яркой экспрессивной окраской «сниженности», грубоватости, фамильярности. Недаром сленг называется поэзией обыденного языка. Наряду с просторечными словами входят и диалектизмы и жаргонизмы, утратившие свою локальную и социально ограниченную прикрепленность.

В лингводидактике перевода беллетристических текстов мы обращаем внимание на средства создания коллоквиальности.

Отдельные публикации связывают отдельные группы лексических единиц с кино, с прессой. Так, в современной речевой культуре к числу наиболее мобильных

пластов крылатых единиц относятся единицы, порожденные телевидением и кинематографом. В современном английском языке широко используются крылатые единицы, восходящие к названиям кинолент (*Some Like It Hot, James Bond, Godfather, Superman, Terminator, Star Wars, The X-Files*) и репликам киногероев (*I will be back. The truth is out there. Good thinking Batman. Trust no one*).

Одной из наиболее явных тенденций последних лет является интерес к субстандарту, аргю, жаргонам, сленгу, вульгаризмам – в общем-то, маргинальным явлениям в лингвистике. Большая ошибка – думать, что в принципе можно употреблять в устной речи только кодифицированные средства – некодифицированные в ней обязательно присутствуют. Из печати в последние годы вышли соответствующие словари – фразеологические работы, американизмы, сленга, бранных слов, общего жаргона, разговорного языка. Языком улицы, толпы заговорила сама литература. Да что там говорить, персонажи пишут.

Причин тут несколько. Впрочем, описание причин не есть предмет нашего исследования. Одной из причин проявляемого интереса является чрезвычайная информативность и богатность материала для интересных наблюдений и выводов языковеда – жаргонизмов, сленга как отражающих определенные социальные явления, их способности отражать языковую игру (каламбурные трансформации), конвенцию, интертекстуальность, лингвоцентризм современного молодежного жаргона. Налицо и экспансия криминального аргю. Плюс произошла детабуизация табу. Половодье русской разговорной стихии достигло полного раскрепощения и матизации современной русской литературы, печати, речевого обихода. Количество авторов, оскорбившихся матерщиной, и исследователей матерщины возрастает. Все это уже давно преодолело «издательское целомудрие». Как остроумно замечают составители словарей, постепенно стал одерживать верх сам реальный речевой узус. Налицует апологетика мата, его лечебного значения, его альтернативности, его языковой игры.

Зыбкое образование представляют собой разговорная речь, сленг, вульгарная и нецензурная лексика. Неофициальная обстановка общения связана со сниженной тематикой разговора, с тем, что используются запретные табуированные темы и области применения слов, контекста общения, перевод в высказывании. Это тем более относится к разговорным и сленговым словам и выражениям, которые отличаются неточностью, размытостью значения, предназначены для общения между людьми в неофициальной обстановке. Сленг начал изучать Г. А. Судзиловский. Последние годы принесли чрезвычайно интересные работы.

Сленг – показатель статуса человека, часто человека малообразованного, противопоставляющего себя истеблишменту. Сленг, как и жаргон, это способ ограничить число собеседников, способ общения между «своими». Сленг находится в самом конце возможных средств речевого общения: он расположен за пределами обычной непринужденной и разговорной речи, там, где язык становится слишком острым и вульгарным, чересчур новаторским и неудобоваримым в разговоре с незнакомыми людьми.

К неформальному языку относятся разговорность, сленг, вульгаризм, брань. Основные социолингвистические принципы, касающиеся языковых слоев и стилей, употребление ненормативных грамматических форм и табуированной лексики или важность соответствующего языкового стиля в ситуации, возможные негативные последствия употребления брани находятся в центре внимания социолингвистических исследований маргинальной лексики. Интерес вызывают и различные социолекты –

языки неформалов или жаргонные слова, идиомы, пословицы, отражающие реалии и идеологемы советского времени [3].

Существует многочисленная литература по взаимоотношению сленга (профессионального или социального жаргона), общего жаргона, аргоса (сниженного языка уголовников), кента. Жаргоны, по меткому выражению В. М. Жирмунского, паразитируют на языке.

В лингводидактическом ключе необходимо понимать, что основу профессионального языка составляет не только терминология, но и профессиональный говор и жаргонизмы. Пренебрежение профессиональным просторечьем, жаргоном приводит к переводческим просчетам при установке на устную коммуникацию.

Механизмы образования сленгизмов различны, но часто это метафоризация (семасиологический способ). Эти явления проливают свет на механизмы достижения сниженности, отрицательной коннотации, сами механизмы оценочности лексики. Приведем примеры из жаргона антикварных дилеров:

Астрономия – невозможные к обсуждению цены на произведения искусства.

Английская разводка – вымогательство под видом отрицательной экспертизы за границей.

Мешки – коллекционеры.

Шерсть (уважит.) – крупные собиратели или уважаемые эксперты.

Прошерстить – проехаться по провинциям.

Опустить – заставить снизить цену. Вполне разговорное, не уничижительное выражение.

Фуфло, фуфлогон – подделка, художник, изготавливающий подделки. За такое выражение можно весьма серьезно пострадать.

Втюхать – выгодно продать.

Доска – икона.

Новьё (уничижительно) – новодельные иконы или мебель.

Сделать – отреставрировать.

Подмазать – 1. Сфальсифицировать подпись на полотне.

2. Дать взятку музейному эксперту.

Завернуть – отказать в положительной экспертизе.

Зарихтовать – придать произведению «продажный» вид.

Нарухать – обмануть.

Стукнуть по горбу – осадить, поставить на место. Применяется преимущественно к малолетним и неопытным дилерам.

Скользнуть – случайно услышать, увидеть.

Собраться – организовать выставку.

Бумаги – музейные экспертизы.

Клевета – отрицательная музейная экспертиза.

Петровы (уничижительно) – (по имени скандально нечистоплотного эксперта) – эксперты, готовые все что угодно подтвердить ради денежного вознаграждения.

Крысятники – блокадные коллекционеры. Например братья Ржевские, бывшие снабженцы, собравшие великолепную коллекцию русского искусства, обменивая Машковых и Айвазовских за полбуханки хлеба.

Старуха – смерть.

Показательны примеры из лингводидактического изучения военного сленга, многочисленны работы по изучению сленга военнослужащих, поскольку явственна

специальная роль такого языка. Известно изучение арготизмов. Проводится обсуждение жаргона компьютерщиков. Фиксируется пласт молодежной лексики [4]. Показательно выделение пласта лексики, которая вошла в категорию «общий жаргон». Известен пласт лексики, которая вошла в категорию «просторечие».

Выше рассмотрены, таким образом, существенные собственно лингвистические и увязанные с ними методические аспекты изучения разговорного языка. Прежде всего в связи с задачами и возможностями обучения коллоквиальному естественному вербальному поведению и переводу устойчивых единиц с явно неэквивалентной и затертой образностью.

Изменяющаяся русская языковая реальность XXI века отразилась в лексикографии. Из печати вышли новые словари. Отметим некоторые теоретические проблемы лексикографии при работе с ними.

Проблема коллоквиальности (разговорности) – разновидности устной литературной речи, обслуживающей повседневное обиходно-бытовое общение и выполняющей функции общения и воздействия. Как форма существования литературного языка разговорная речь характеризуется основными его признаками (наддиалектностью, устойчивостью, нормативностью, многофункциональностью).

Проблема просторечия, которое вместе с народными говорами и жаргонами составляет устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации – общепонятный народно-разговорный наддиалектный язык.

Проблема литературного просторечия, служащего границей литературного языка с народно-разговорным языком, – особый стилистический пласт слов, фразеологизмов, объединяемых яркой экспрессивной окраской «сниженности», грубоватости, фамильярности. О лексическом уровне хорошо написал М. В. Панов: «Не раз в печати появлялись жалобы, что лексикографы обижают слова: ставят около них пометы „разговорное“, „просторечное“ и т. д. Несправедливы эти жалобы. Такие приметы не дискриминируют слова. Посмотрим в словаре, у каких слов стоит помета „разговорное“: *ворочать (делами), ворчун, восвояси, впереводку, вприсосках, впрямь, впустую, временами (иногда), всласть, всплакнуть, вспомнить, встряска, всухомятку, выволочка, газировка, гибель (много), глазастый, глядь, гм, гнильца, говорун, голубчик, гора (много), грохнуть, грошовый, грузнуть, ни гу-гу, гуртом, давай (он давай кричать), давненько*. Прекрасные слова. Помета *разг.* их не порочит. Помета предупреждает: лицо, с которым вы в строго официальных отношениях, не называйте голубчиком, не предлагайте ему куда-нибудь его вприсоску, не сообщайте ему, что он долговязый и временами ворчун... В официальных бумагах не употребляйте слова *глядь, всласть, восвояси, грошовый*... Ведь разумные советы». Но это, отметим, не диалектизмы и не жаргонизмы.

Просторечие вместе с народными говорами и жаргонами составляет устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации – общепонятный народно-разговорный наддиалектный язык. Известна проблема литературного просторечия – служащего границей литературного языка с народно-разговорным языком особого стилистического пласта слов, фразеологизмов, форм, оборотов речи, объединяемых яркой экспрессивной окраской «сниженности», грубоватости, фамильярности. Недаром сленг называется поэзией обыденного языка. Наряду с просторечными словами входят и диалектизмы и жаргонизмы, утратившие свою локальную и социально ограниченную прикреплённость.

Проблема сленга, который называют поэзией обыденного языка. Наряду с

просторечными словами входят и диалектизмы и жаргонизмы, утратившие локальную и социально ограниченную прикрепленность.

Проблема кодифицированности языка (его степень разная, например, в английском и русском).

Проблема вторжения в разговорный язык «общего жаргона». **Жаргонизированность просторечия молодого поколения.** Просторечие насыщено жаргоном, общим жаргоном. Жаргон заполнил СМИ, литературу. Подчеркивается тщетность запретительного регулирования в сфере культуры речи.

Лингвоцентризм современного молодежного жаргона. Право жаргонизмов быть лексикографически описанными и лингвистически исследованными не подвергается сомнению. При изучении общемолодежного жаргона, складывавшегося в конце 1980-х и начале 1990-х годов, а также языка различных групп молодежи, а именно музыкантов, диггеров, путешественников автостопом, байкеров, спортивных фанатов и многих других – обращают на себя внимание как метафоризация и переосмысление (семантические способы), так и транслитерация английских слов.

Проблема жаргонизмов в связи с фразеологизмами: жаргонизмы обрастают новыми значениями, рожают фразеологизмы.

Проблема языковой игры и ее регистрации лексикографами: трюизмом стала мысль о том, что при помощи языковой игры, сленга национальный язык пытается защититься от своей всеобщности в ее обедненной прагматической интернациональной версии.

Проблема каламбурных трансформаций. Ряд терминов переосмыляется в языковой игре. Результаты варваризации в языке вовлекаются в процесс построения жаргонизмов: «черный нал», «маржа» («margin»), «карга» («cargo»).

Проблема сфер употребления языка: академическая подготовка совершенно не подходит к закуской, улице, бейсбольной площадке.

Проблема динамики языковой стихии: наблюдаем в современном русском нагромождения ненужных варваризмов, калек, сниженной лексики. Вульгаризация речи – широкое проникновение русского арго во все слои общества, во всякие дискурсы – таящее опасность современное явление. Велика частота жаргонизмов.

Проблемы метафоризации в арго, в профессиональном (военном) сленге. Интересны идеи прозрачности переноса и криптолалии, эмотивности и экспрессивности (мелио- и пейоративных коннотаций), выявленных на примере анализа лексики изучаемой сферы. Любопытна схема, показывающая взаимообмен компонентов языка, – тем более, что сегодня бытование арготизмов в литературном языке» (и их засилье) обсуждается с парламентской трибуны и представляется серьезной социолингвистической проблемой. Наметки этнокультурной специфики метафоризации могут быть продолжены в самостоятельных исследованиях.

Проблема адаптации заимствований в языке.

Процесс дестабулизации табу. Соотношение мата и обценного, эвфемизмы и мат.

Проблема стилистической дифференциации описываемого материала. Весьма субъективна оценка экспрессивных и других коннотаций. Проблема общей системы доминантных помет: *общ. прост., вульг.-прост., грубо-прост., жарг., бранно, пренебр., одобр., неодобр.*

Демократизация языка СМИ. СМИ, чтобы быть понятыми, заговорили на языке толпы. Отсюда засилье общего жаргона, сленга Реклама полна жаргонизмов, слов

низкого регистра, лексических ошибок, вульгаризмов. Чрезвычайно распространенными оказываются арготизмы. Варваризмы – вторая примета стремительных языковых изменений в обществе и СМИ. Часты слова из молодежного сленга, профессионального просторечия компьютерщиков, силовиков, язык зоны (феня, блатная музыка: *кимарить, клево, тупфта*).

Понятие стереотипии и единицы языка, воплощающие стереотипии: избитая метафоризация, эвфемизация, понятия с широкой, четко не определенной семантикой, калькирование терминов, аксиологическая лексика, высокая пафосная лексика, сложность дефинитивности терминов, конъюнктурность, банальность метафоризации, «иностранные» синонимы, перифразы, нелепые штампы, слова на случай, неологизмы, затертые слова, девальвированность слова (*религиозность, православие, творец, разум, вера, религиозное мировоззрение, толеранность, духовность, благочестие*), клише и штампы политического дискурса. Это новое семантическое явление в сфере исследований лингвистики лжи, демагогии и пропаганды, политической корректности в гендерном, расовом, возрастном, личностном, имущественном, профессиональном аспекте.

Проблема регистрации прецедентных текстов (Автопробегом по бездорожью; спорту все возрасты покорны; и примкнувший к ним Шепилов).

Проблематика создания и использования идеографического словаря (для изучения этнолингвистических особенностей). Рубрикация позволяет проникать в системное представление менталитета при помощи фразеологии, своего рода топики (в аристотелевском значении).

Еще одна проблема и еще один язык, претендующий на влияние на современный разговорный дискурс, – рекламный дискурс. Важным в обществе потребления является запоминаемость брендов и слоганов.

Экспрессивность в рекламе и периодике (*Я спросил у Тополя. Пить или не пить? Вот в чем вопрос. Пейте, дети, молоко, пока не подорожало.*), исследование заголовков газетных публикаций – прекрасная возможность проследить языковую игру, иронию, юмор, ценностные представления. Показательны трансформация элементов фразеологизма, столкновение антонимов, каламбурное обыгрывание многозначных слов и омонимов, аллюзивности с названиями явлений массовой и высокой культуры, обыгрывание ассоциативности с названиями фильмов, использование стилистического приема зевгмы, языковой игры с квазиимитацией локального акцента.

Литература

1. **Волков А. А.** Курс русской риторики / А. А. Волков. – М. : Изд-во Храма св. муч. Татианы, 2001. – 480 с. 2. **Грачев М. А.** Арготизмы в молодежном жаргоне / М. А. Грачев // Рус. яз. в шк. – 1996. – № 1. – С. 78 – 85. 3. **Мокиенко В. М.** Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с. 4. **Никитина Т. Г.** Словарь молодежного сленга / Т. Г. Никитина. – СПб. : Фолио-Пресс, 2002. – 704 с.

У статті розглянуто сучасні варіанти розмовної мови й компетенції мовної особистості перекладача за їх розумінням і перекладом. Обговорено лінгвістичні проблеми лексикографування середовищ нової розмовності.

Ключові слова: розмовність, переклад, мовна особистість, лексикографія, просторіччя, сленг, реклама, мова белетристики і мас-медіа.

Статья обсуждает современные варианты разговорного языка и компетенции языковой личности переводчика по их пониманию и переводу. Обсуждаются лингвистические проблемы лексикографирования сред новой разговорности.

Ключевые слова: разговорность, перевод, языковая личность, лексикография, просторечие, сленг, реклама, язык беллетристики и масс-медиа.

The article discusses modern variants of colloquial language and competencies of Russian Sprachenspersonlichkeit of the interpreter in comprehending and rendering them. The paper tackles the linguistic problems of lexicographical registering in the new milieu of colloquial language.

Keywords: colloquial speech, translation, Sprachenspersonlichkeit, lexicography, slang, advertisements, the language of belles-lettres and fiction.

Стаття надійшла до редакції 13.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Петренко О. Д.

УДК 81'276.11

А. Р. Габидуллина

РУССКИЕ ПАРЕМИИ В РЕЧИ СТУДЕНТОВ

В. И. Даль, составивший самый крупный сборник пословиц и поговорок «Пословицы русского народа», в который вошло свыше тридцати тысяч народных изречений, отразил в нем ментальность разных слоев русского общества. Сборник дает полное представление о взглядах народа на многие стороны жизни. В нем мы найдем такие разделы, как «Счастье – удача», «Богатство – правда», «Царь», «Казна», «Закон», «Начальство – служба», «Жизнь – смерть» и др. Прошло два века, но актуальность работы В. И. Даля сомнений не вызывает, поскольку паремии – часть языковой картины мира любого народа

Цель статьи – показать особенности языковой игры студентов-филологов с использованием русских фразеологизмов, и в первую очередь паремий.

Языковая игра может основываться на нарушении разных типов фразеологической дистрибуции [1], т. е. таком употреблении фразеологической единицы (ФЕ), при котором она помещается в контекст, придающий ей индивидуальное, не закрепленное языковым узусом значение. При нарушении семантической или семантико-прагматической дистрибуции высокий показатель предсказуемости, свойственный узуальному значению фразеологизма, резко снижается, и можно даже говорить о том, что семантический результат такого нарушения в большинстве случаев непредсказуем. Общая закономерность здесь заключается в том, что чем больше окказиональный смысл ФЕ отличается от узуального, тем сильнее производимый им эффект («эффект обманутого ожидания»). В приведенном ниже примере «крылатые выражения», или прецедентные высказывания из произведений художественной литературы, употребляются с иным